

Коньрева Ирина Вадимовна

СМЕХ И ПЛАЧ КАК ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

В статье осуществлена попытка построения типологии западно-европейской и русской культур на основании доминирования в культурно-историческом процессе "плача/смеха", определяющих тип мироотношения, ценностно-смысловые парадигмы и специфику поведенческих моделей. Автор приходит к выводу о доминировании в русской культуре плачевой основы, в европейской культуре - смеховой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 88-90. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

В статье осуществлена попытка построения типологии западно-европейской и русской культур на основании доминирования в культурно-историческом процессе «плача/смеха», определяющих тип мироотношения, ценностно-смысловые парадигмы и специфику поведенческих моделей. Автор приходит к выводу о доминировании в русской культуре плачевой основы, в европейской культуре - смеховой.

Ключевые слова и фразы: типология; плач; смех; плачевая основа русской культуры; «бинарный/диссонансный» менталитет; менталитет «середины/гармонии»; смеховая основа европейской культуры.

Ирина Вадимовна Коньрева, к. культурологии, доцент

Кафедра культурологии

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

konirevaiv@mail.ru.

СМЕХ И ПЛАЧ КАК ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ[©]

В культурологической области знания существуют различные типологии и классификации культур, служащие для «разбиения всего разнообразия культурных систем на некоторое достаточно ограниченное количество их типов путем группировки их свойств и характеристик по тем или иным формальным и/или содержательным признакам» [5, с. 299]. Особенностью любой типологической конструкции является ее идеально-обобщенный характер.

Впервые теория «идеального типа» была разработана немецким социологом М. Вебером. Согласно его трактовке, идеальный тип - это, «соединение диффузно встречающихся черт какого-либо явления в различных эпохах и народах, доведенное до их полного логического предела в едином, свободном от противоречий идеальном образе» [1, с. 581]. Идеальный тип является схемой, дающей возможность «охватить исторические индивидуумы или их отдельные компоненты генетическими понятиями» [Там же, с. 584].

Опираясь на методологическую концепцию М. Вебера, мы попытаемся выстроить свою идеальную схему на основе дихотомии таких культурных универсалий, как *плач-смех*, которые, согласно нашей концепции, являются выражением ценностей, обычаев и норм, отражающих коллективную ментальность исторических эпох. Необходимо отметить, что плач и смех представляют собой особую сферу антропологического и историко-культурного пространства. Исследование истории бытования и функционирования в обществе плача и смеха дает основания для концептуально нового осмысления как культурно-исторического процесса, так и для типологического построения, в частности, типологизации европейской и русской культур. Осмысление плача как культурной универсалии, по нашему мнению, особенно актуально по отношению к русской традиционной культуре, т.к. является существенным фактором в изучении ценностей, семантики и символики русской духовной культуры и поэтому способствует более глубокому постижению своеобразия национально-психологических свойств русского народа.

В отечественной культурологии принято трактовать менталитет русской культуры как «бинарный», «диссонансный», определяющий свойства сознания, способ миропознания и характер самовыражения национального духа. Согласно нашей концепции, плач является не только биологической или психологической реакцией человека, но и культурной универсалией, мировоззренческой и социокультурной формой. Исследование традиционной русской культуры позволяет нам рассмотреть ее доминантную основу как *плачевую*. Особое влияние на становление плачевой основы русской культуры оказала «женская» архетипическая доминанта менталитета, проявляющаяся в языческом «обожении» Матери-Сырой земли, православном культе Богородицы и детерминирующая эмоционально-чувственное и жертвенно-коллективное начала русской культуры. Необходимо также отметить существенное влияние византийских (исихастских) традиций на процесс формирования русского «иррационального», «чувствительного», «сердечного» (И. В. Кондаков) православного менталитета. Плач стал восприниматься как личный способ излияния души, глубинной печали, как возможность открытия души самому Богу, как слезная исповедь о своих прегрешениях. Нравственно-психологические основы исихазма способствовали формированию в православной культуре «слезных» традиций. Начала духовной свободы и иррационального мироощущения, заложенные последователями исихазма - «нестяжателями», - во многом определили психологическую глубину переживаний, молчаливое «очищение сердца» слезами, способствовавшему укоренению плачевой основы в русской культуре.

Амбивалентность русского менталитета обусловила специфику «диссонансного» мировоззрения, основанного на остром ощущении дисгармонии и несовершенства земного мира. Это объясняет существование таких антропологических констант русской культуры, как «экзистенциальная печаль», склонность к страданию и состраданию. Именно они определяют «плачевость» отечественного менталитета. Специфическое душевно-психологическое состояние тоски, «русской хандры», рожденных ощущением богооставленности, несбыточности идеала «должного», осмысливается нами как трансформированная форма плача. В отечественной истории слом исторических эпох, крушение традиционной системы ценностей, трагизм осознания «смутных» и

особенно «переходных» эпох привел к тому, что плач явился формой выражения коллективных эсхатологических настроений. Распространение плачевых форм напрямую соотносится с возрастанием апокалипсических настроений. Необходимо особо подчеркнуть, что эсхатологическая доминанта в мировоззрении людей «переходных» эпох обуславливает семантическую сращенность смеха с грехом, что и провоцирует «плачевость» в русской культуре. В периоды исторической нестабильности смех, наряду с плачем, становится выражением «реальности хаоса» (Н. А. Хренов). Однако эсхатологическая сущность русской культуры не позволяет осмыслять смех кризисных эпох как жизнерадостный, он, скорее, «*плачевый*» («смех сквозь слезы»). Еще в XIX веке русский философ В. Базаров отмечал, что «у нас много смеха, но нет подлинного веселья, - нет, или почти нет, того радостного, светлого, *освобожденного* смеха» [цит. по: 7, с. 430]. Сообразно с этим положением, необходимо вспомнить хрестоматийное утверждение Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о том, что в отличие западноевропейского, комического смеха, побеждающего страх, русский смех воспринимается одновременно как страшный. В этой связи И. В. Кондаков считает укорененность страха в смеховой стихии «чертой цивилизации, поскольку она формирует социум, его взаимоотношения с государством и природой, формы его саморегуляции, процессы формирования личности и различных социокультурных институтов» [4, с. 141].

Исследование плачевой основы русского менталитета, плача и его социокультурных форм, вывели нас на проблему сопоставления западной (европейской) и восточной (русской) типов культуры. В ментальных основах русской культуры устойчивые бинарные константы православия и язычества обладают основополагающей мировоззренческой функцией. Наличие двоеверия и стало основой для возникновения «вечных» и «проклятых» вопросов «Что делать?» и «Кто виноват?» в сознании русского народа. Вопросы, которые, по сути, никогда и не разрешались окончательно, а, наоборот, рождали бесконечные искания скрытого смысла жизни, неразрешенные православием. Дуализм в миропонимании и миропознании, одновременное укоренение в духовном, божественном, и материальном бытие приводит усилению экзистенциальной природы русского менталитета и эмоционально-образного, интуитивного прозрения. Это во многом объясняет существование некоторых неизменных пластов в русской культуре, таких как тоска, грусть, печаль и страдание.

Для русской культуры состояние двойственности оказывается историко-культурным фактом развития. Трактовка менталитета русской культуры как «бинарного», «антиномичного», «дуального», «двухполюсного», «диссонансного», определяющего свойства сознания, способ миропознания и характер самовыражения национального духа, широко представлена в трудах российских ученых: Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, А. С. Ахиезера, И. И. Евлампиева, Вяч. Вс. Иванова, И. В. Кондакова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, М. С. Уварова, Б. А. Успенского, Н. А. Хренова, И. Г. Яковенко и других. Все они единодушно трактуют русскую культуру как «диссонансную» в противоположность западной «гармоничной» культуре. Согласно их концепции, диссонансный характер русской культуры во многом обусловлен религиозным двоеверием. В русской православной вере доминирует «исходный импульс христианской страстности» [6, с. 267], соединенный с языческим «обожением» природы. Данный дуализм и сформировал специфическое русское мировоззрение, «в котором главным оказалось не столько исповедание грядущей гармонии, сколько, - утверждает И. И. Евлампиев, - острое ощущение *реальной дисгармонии, несовершенства земного мира* и в то же время страстное желание *немедленного преобразования* этого мира» [3, с. 14]. В то же время европейская культура в этом плане осмысливается исследователями как культура «середины» (Н. А. Бердяев, В. Шубарт и др.) или «гармонии» (Ю. М. Лотман). Характеристика русской культуры как «культуры диссонанса» означает, что, в отличие от «гармоничной» культуры Европы, она, по утверждению М. С. Уварова, «самой судьбой призвана не только демонстрировать миру утонченность чувствования универсальных противоречий бытия, но и оказывать неизгладимое влияние на судьбы цивилизации своим «несовершенным примером» [Там же, с. 167]. Русская культура - это культура духа, мистики, глубинного постижения запредельного. Православная вера актуализировала субъективно-иррациональные начала в русском менталитете, стремление к *раздвоению души и плоти*, обретению божественной благодати и способствовала формированию в человеке смирения, всеобщего человеческого страдания, жертвенности и жалости, освященных слезами и отрицающими смех как эквивалент свободы.

Западноевропейский тип культуры основывается на противоположных установках. Фундаментом данной культуры является античность, основанная на принципе меры, порядка и гармонии. Именно телесность, индивидуализм, оптимизм, гуманизм и справедливость составляли основу античного миропонимания, где смех - эквивалент свободы, - согласно концепции С. С. Аверинцева, выступает как «парадигма развития цивилизации, бытийствующая в *диалоге души и тела*» [2, с. 35]. С. С. Аверинцев утверждает, что смех выражает свободу, а плач - несвободу. Следовательно, можем предположить, смех выступает показателем синтеза, цельности и гармонии миропознания, что характерно для европейской культуры. Таким образом, западноевропейская культура - это культура со смеховой доминантой.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что традиционными установками русского менталитета являются следующие духовные приоритеты, определяющие «плачевость» русской культуры: сострадание, детерминированное архетипом «женскости», отзывчивость, установка на «очищение слезами» и обязательное следование высокому религиозному идеалу. Следовательно, существование эсхатологической доминанты в структуре православного менталитета, по нашему мнению, во многом объясняет природу русской «плачевости», замешанной на остром ощущении несовершенства человеческой жизни.

Таким образом, наши гипотетические выводы, отражающие принципы типологических описаний русской и европейской культур на основе доминирования смехового или плачевого начал, могут быть

представлены в следующей схеме. Русская культура - это диссонансность; иррационализм; коллективизм; женский тип; душа; плач. Европейская культура - гармоничность; рациональность; индивидуализм; мужской тип; тело; смех.

На этом обозначенная проблема не исчерпывается, эта статья - попытка приблизиться к более глубокому типологическому осмыслению русской и европейской культур.

Список литературы

1. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: антология. М.: Юрист, 1995. 703 с.
2. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Смех: социофилософский анализ М.: Альфа-М, 2005. 592 с.
3. Евлампиев И. И. История русской философии. М.: Высшая школа, 2002. 584 с.
4. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. 687 с.
5. Осокин Ю. В. Современная культурология в энциклопедических статьях. М.: КомЕнига, 2007. 384 с.
6. Уваров М. С. Бинарный архетип. СПб.: БГТУ, 1996. 214 с.
7. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.

LAUGHTER AND CRYING AS CONSTRUCTION BASICS OF CULTURE TYPOLOGY

Irina Vadimovna Konyreva, Ph. D. in Culturology, Associate Professor

Department of Culturology
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
konyrevaiv@mail.ru

In the article the attempt is undertaken to construct western European and Russian cultures typology on the basis of "crying and laughter" domination in cultural-historical process which determine the type of the attitude to the world, the value-sense paradigms and behavioral models specificity. The author makes the conclusion about crying basis domination in the Russian culture and about laughter basis domination in the European culture.

Key words and phrases: typology; crying; laughter; Russian culture crying basis; "binary/dissonance" mentality; "middle/harmony" mentality; European culture laughter basis.

УДК 331.108.244(571.5)

В статье исследуется вопрос закрепления молодых работников на крупнейших предприятиях и стройках Восточной Сибири в период с 1960-х по 1980-е гг. Анализируются причины, по которым молодежь уезжала со строек.

Ключевые слова и фразы: молодежь; ударные комсомольские стройки; закрепление молодежи на предприятиях; текучесть кадров.

Татьяна Михайловна Королева, к.и.н., доцент

Кафедра социальной философии и социально-культурных технологий
Иркутский государственный университет филиал в г. Братске
temrotan@rambler.ru

ЗАКРЕПЛЕНИЕ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД 1960-1980-Е ГГ. ©

Период с 1960 по 1980-е гг. ознаменовался дальнейшим усилением экономического потенциала страны. Важная роль в экономике государства принадлежала восточным и северо-восточным районам. Народнохозяйственное значение освоения и развития новых территорий Восточной Сибири требовало значительного увеличения рабочей силы. Активное участие в строительстве важных народнохозяйственных объектов приняла молодежь. Поэтому главным являлся вопрос закрепления молодых работников на крупнейших предприятиях и стройках Восточной Сибири.

Массовое участие в ударном строительстве стало примечательной чертой молодежи шестидесятых годов XX в. Руками молодежи построена крупнейшая железная дорога Абакан-Тайшет протяженностью 647 километров [6, л. 37]. Эта дорога одной из первых была объявлена XIII съездом ВЛКСМ Всесоюзной ударной комсомольской. 1968 г. являлся годом значительного увеличения объемов строительства, увеличения потребности в людях. Молодежь Восточной Сибири работала на ударных комсомольских стройках: трасса Решоты-Богучаны, Хребтовая-Усть-Илимская, на строительстве крупнейшей в мире 600-литровой Мараканской